

Т.В. Павлова*

**ДЕЛИБЕРАЦИЯ КАК ФАКТОР
КОНСТИТУИРОВАНИЯ
ПОЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ**

Аннотация. В статье анализируются основные теоретические подходы к исследованию делиберации и делиберативной демократии как новой парадигмы современной демократической теории и политической теории в целом. В статье рассмотрены основные нормативные принципы делиберации как нового способа политического участия, сделан вывод о том, что делиберация является моделью современной политики; также сформулированы условия, при которых возможна имплементация данной модели в современной России.

Ключевые слова: делиберация; демократия; делиберативная среда; рефлекслирующий моральный индивид; делиберативная модель политики.

T.V. Pavlova

Deliberation as the constitution factor of modern politics field

Abstract. The article analyzes the main theoretical approaches to the study of deliberation and deliberative democracy as a new paradigm of modern democratic theory and political theory in general. The article considers the main normative principles of the deliberation as a new mode of political participation and concludes that the deliberation is a model of modern politics; the conditions under which the implementation of such a model is possible in contemporary Russia are formulated as well.

***Павлова Тамара Владимировна**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: tamarapavlova@mail.ru

Pavlova Tamara, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: tamarapavlova@mail.ru

Keywords: deliberation; democracy; deliberative environment; reflective moral individual; deliberative model of politics.

Данная статья является частью коллективного исследования, посвященного формированию политического поля в современной России. В своем анализе мы исходим из понимания политического поля как «публичного пространства институционализированных взаимодействий (диалога и конфликта, протеста и поддержки, сотрудничества и борьбы) по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества» [Павлова, Патрушев, Филиппова, 2017]. В задачи исследования входит анализ того, кто может быть актором поля политики в современной России и по каким правилам они могут действовать. Попытаемся ответить на этот вопрос, исходя из той модели политики, которая сложилась в эпоху модерна и постмодерна, обратившись, в частности, к такому сравнительно новому фактору в политике, как делиберация.

Изменения в современной политике. Появление новых акторов

Характеристики современной политики, под которой мы понимаем политику эпохи модерна, естественным образом отражают глобальные социетальные изменения последних десятилетий: все возрастающую сложность, дифференциацию и фрагментацию западного общества, радикальные сдвиги в его социальной структуре, ослабление социальных норм, тенденцию ко все большей индивидуализации. Эти глубокие и стремительные трансформации дали ведущим социологам основание для таких определений, как «индивидуализированное общество», «растекающаяся модернити» [Бауман, 2002], «общество риска», «рефлексивная модернизация» [Бек, 2000].

В контексте радикальных социетальных трансформаций произошли изменения в содержании и характере политики, которой все в большей мере присущи такие черты и процессы, как индивидуализация, дифференциация (появление сфер субполитики), размывание границ политики, связанное с появлениями новых но-

сителей политического (новых социальных движений других, в том числе и индивидуальных акторов), децентрализация политики, деполитизация государственного управления, растущее отчуждение граждан от политики.

Феномен индивидуализации по-разному оценивается исследователями. По мнению многих из них, усиление социальной дифференциации и сложности современного общества, индивидуализация сознания, а также рост неопределенности и нестабильности в жизни людей приводят к тому, что субъекты «все сильнее руководствуются стремлением к индивидуальному самовыражению и индивидуальному действию» [Дзолло, 2010, с. 126], все в меньшей степени стремятся к солидарности и созданию коллективных общностей, что лишает коллективное измерение политической жизни легитимности [там же, с. 127].

Действительно, в поле современной политики коллективные акторы (партии, профсоюзы и другие организации) в значительной мере утрачивают ту роль, которую они играли прежде. Западные исследователи практически единодушны в признании того, что политические институты современных демократий, прежде всего институты представительства, переживают кризис и нуждаются в обновлении и качественном развитии [Crosier, Huntington, Watanuki, 1975; Citizens... 1995; Pharr, Putnam, 2000; Dalton, 2004].

Представляется, однако, что «стремление к индивидуальному самовыражению и индивидуальному действию» вовсе не обязательно ведет к отрицанию коллективного измерения политики, как полагает Д. Дзолло. Скорее, речь должна идти о новых формах этого измерения в условиях современного общества – коммуникации и взаимодействии индивидов как граждан, ориентированных на достижение не только своих личных и групповых целей, но и общего блага. Кристиан Вельцель в своей книге «Рождение свободы»¹, касаясь дискуссии о позитивных и негативных аспектах индивидуализма, которая ведется социологами и психологами, отмечает, что он и его коллега и соавтор Рональд Инглхарт [Inglehart, Welzel, 2005, p. 141–144, 293–295] не согласны с отождествлением рядом исследователей индивидуализма с эгоизмом и трактовкой его как деструктивного фактора, ведущего к «потере

¹ Английское издание книги Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation.

сообщества», распаду социальных связей. Выступая сторонниками «позитивного индивидуализма», они определяют его «как ориентацию, которая рассматривает каждого человека как, прежде всего, ценную автономную личность» [Вельцель, 2017, с. 209], а индивидуализацию – как процесс эмпауэрмента человека. При этом индивидуализация «вовсе не отменяет склонность людей объединяться с себе подобными – напротив, она дает свободу объединяться или отделяться согласно выбору людей. В результате социальные отношения, преданность группе, коллективные аффилиации в большей степени соответствуют желаниям людей» [там же, с. 211]. Эмансипативные ценности, которые в концепции Вельцеля являются главным предметом анализа, «представляют собой гражданственную, просоциальную форму индивидуализма, связанную с неэгоистической, доверительной и гуманистической ориентацией» [там же]. Именно такой индивидуализм может, как нам представляется, стать основой для новых форм политики, в частности делиберативной.

«Делиберативный поворот» в политической теории

В контексте дискуссии о связи гражданственности с индивидуализацией становится очевидной востребованность тех моделей демократии, которые предполагают участие рядовых граждан в политике не только посредством участия в выборах и в работе политических организаций, но и в различных формах прямого участия и действия. Не случайно поэтому значительное развитие в последние десятилетия получили концепции демократической делиберации как существенно расширяющей возможности активного включения граждан в политику [Хелд, 2014, с. 413].

Сдвиг в демократической теории, получивший название «делиберативный поворот» [Dzyzek, 2000, p. 5]¹, произошел в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века и был, прежде всего, ответом на кризис демократии, рост недоверия к политике в целом,

¹ Шанталь Муфф называет обращение к тематике делиберации «новой парадигмой демократии», оговариваясь, что «основная идея – “при демократической форме правления политические решения должны приниматься в ходе обсуждения их свободными и равными гражданами” – сопутствовала демократии с самого ее рождения в Афинах пятого века до нашей эры» [Муфф, 2004, с. 180].

в частности, к ее представительным институтам. Поворот состоял главным образом в том, что суть демократии стали усматривать не в голосовании и агрегации интересов, а в процессе публичной коммуникации между гражданами по поводу касающихся их политических решений.

Внимание теоретиков демократии в этот период смещается от политического представительства к социальным процессам, к повседневной жизни индивида [Chandler, 2013; Stears, 2011]. На первый план выходит проблема индивидуальных когнитивных и социальных способностей, ответственности индивидов за себя и свои сообщества. Политические проблемы решаются через демократизацию повседневной жизни, в которой политические субъекты встраиваются в дифференцированные, плюралистичные и пересекающие границы друг друга социальные и когнитивные сообщества: семью, трудовые коллективы, школы, соседские и досуговые организации. А сама демократизация происходит путем наделения властью (*social empowerment*) как сообществ, так и индивидов, которые становятся ключевыми фигурами в процессе принятия решений. Именно в этой логике выстроена теория делиберативной (дискурсивной) демократии.

Важно отметить, что «делиберативный поворот» коснулся не только теории демократии, но и оказал масштабное влияние на всю современную политическую теорию [Dryzek, 2000; Ganuza, 2012]. Делиберация обозначила «новый политический горизонт, в свете которого моделируются многие из классических проблем современной теории политики: равенство, распределение власти, участие и влияние» [Ibid., p. 19]. В теории делиберации речь идет фактически о новом понимании политики – не в логике государствоцентризма и политического представительства, а в логике социального эмпауэрмента, связанного со способностями «рефлексивных граждан» принимать разумные и ответственные решения в своей повседневной жизни.

Понятие делиберации и теоретические истоки делиберативной теории

Исследователи отмечают, что не существует единого, устраивающего всех определения делиберации [Deliberative politics... 1999; Mendelberg, 2002]. Однако большинство из них считают глав-

ными идеи о том, что политические решения, сказывающиеся на жизни граждан, должны приниматься самими гражданами, и что участвующие в процессе deliberation люди основываются на аргументах, отражающих потребности или принципы каждого, кого касается обсуждаемая проблема [Gutmann, Thompson, 1996; Habermas, 1989; Rawls, 1996].

Словарь «Мерриам-Вебстер» дает следующий перевод термина *deliberation*: «дискуссия или обсуждение группой лиц (таких, как жюри или законодательное собрание) аргументов за или против какого-либо действия» [Deliberation, 2018].

Основные постулаты данного направления в политической теории, отмечается в статье в энциклопедии Британника, посвященной делиберативной (дискурсивной) демократии¹, состоят в следующем: «политические решения должны быть результатом честной и аргументированной дискуссии и дебатов между гражданами. В делиберации граждане обмениваются аргументами и обсуждают различные утверждения, конструируемые с целью обеспечить общее благо. В процессе этого обсуждения граждане могут прийти к соглашению относительно того, какая процедура, какое действие или политика будут лучше всего способствовать общему благу» [Eagan].

Впервые термин «делиберативная демократия» был использован в работе американского автора Джозефа Бессета, опубликованной в 1980 г. [Bessette, 1980], хотя еще ранее идеи «демократии обсуждения» развивал американский философ Джон Дьюи [Dewey, 1954].

Наибольшее влияние на формирование теории делиберативной демократии оказали известные философы Юрген Хабермас и Джон Ролз. Шанталь Муфф, анализирувавшая концепции этих мыслителей, справедливо видит их заслугу в том, что они вернулись к проблемам морали и справедливости в политике [Муфф, 2004].

Вклад Хабермаса состоит прежде всего в разработанной им теории коммуникативного действия. Под коммуникативным действием он понимает такое взаимодействие, интеракцию по край-

¹ Вряд ли можно согласиться с переводом данного термина на русский язык как «совещательная демократия», который используется в ряде изданий по теории демократии (см., например: [Хелд, 2014]), поскольку в таком случае ускользает смысл термина, связанный с латинским глаголом *delibero* – взвешивать (мысленно), обсуждать, обдумывать. На это справедливо указывает известный исследователь американской демократии Э.Я. Баталов [Баталов, 2010, с. 269].

ней мере двух индивидов, которое упорядочивается согласно нормам, принимаемым за обязательные. Целью коммуникативного действия, в отличие от инструментального, ориентированного на успех, является у Хабермаса взаимопонимание действующих индивидов, их рационально достигаемый консенсус. Такой консенсус предполагает координацию тех усилий людей, которые направлены именно на взаимопонимание и взаимодействие. «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersubъективным признанием притязаний на значимость» [Хабермас, 2001, с. 91]. Обосновывая свои притязания на истинность и правильность, участник коммуникации «приводит рациональные аргументы в качестве гарантии, т.е. дискурсивным путем добивается признания слушателей и тем самым обеспечивает объединение планов действий различных людей» [Марков, 2006, с. 336–337].

Коммуникация происходит в соответствии с обязательными правилами, которые «укоренены в структурах самой аргументации и не нуждаются в каком-либо внешнем авторитете, ибо признаются любым компетентным субъектом, включающимся в процесс общения» [там же, с. 333].

Коммуникация между индивидами строится, согласно Хабермасу, на диалогическом принципе. «При этом диалог понимается им как свободное взаимодействие индивидов, в котором индивидуальность не подавляется, а, напротив, проявляется во всем ее богатстве» [Зайцев, 2012].

Важным аспектом коммуникации является у Хабермаса признание общезначимости моральных норм, для чего необходима процедура их легитимации, т.е. «обоснования и оправдания с точки зрения справедливости» [Марков, 2006, с. 337], что реализуется коллективными, совместными усилиями участников коммуникации. Хабермас вводит понятие «этики дискурса», которая включает принципы как справедливости, так и солидарности. Он подчеркивает, что «согласно этике дискурса, та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники *практического дискурса* достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» [Хабермас, 2001, с. 104].

Ключевым понятием у Хабермаса является понятие публичности, публичной сферы. «Публичность (Offentlichkeit) – сфера, в которой происходит презентация участниками общественной коммуникации своих частных интересов и мнений, которые интерпретируются и получают признание в качестве общественно значимых» [Назарчук, 2011].

Свою трактовку делиберативной политики Хабермас называет «процедуралистской» [Хабермас, 2008, с. 381], сопоставляя ее как с либеральной, так и с республиканской концепциями политики. Согласно либеральной концепции процесс формирования политической воли осуществляется через компромисс интересов, реализуемый через процедуры представительства. В республиканской концепции формирование политической воли осуществляется в форме «этического самосогласия», в основе которого лежит «фоновый консенсус граждан» относительно республиканских принципов. «Теория дискурса воспринимает элементы обеих сторон и интегрирует их в понятие идеальной процедуры совещания и принятия решений. Эта демократическая процедура устанавливает внутреннюю связь между *переговорами*, *дискурсами самосогласия* и *справедливости* и обосновывает предположение, что при таких условиях достигаются разумные и, соответственно, честные результаты» [там же, с. 392].

Однако, в отличие от республиканизма, теория дискурса «делает осуществление делиберативной политики зависимым не от коллективно дееспособной совокупности граждан, но от институционализации соответствующих процедур... Там совокупность граждан рассматривается как коллективный актор, рефлексирующий над целым и действующий ради него; здесь отдельные акторы функционируют как зависимые переменные во властных процессах, осуществляющихся вслепую, ибо по ту сторону актов индивидуального выбора не может быть никаких осознанно осуществляемых коллективных решений...» [там же, с. 395].

Таким образом, Хабермас подчеркивает роль индивидуальных акторов в реализации делиберативной политики, индивидов, которые сами делают выбор относительно своих позиций и следуют определенным процедурным правилам.

Реализация делиберативной политики зависит в трактовке Хабермаса от процесса институционализации процедур коммуникации, которые осуществляются как в форме совещаний парла-

ментского корпуса, так и в сети коммуникаций в публичной сфере и которые «образуют арену, где может происходить более или менее рациональное формирование общественного мнения и политической воли по поводу значимых для всего общества тем и нуждающихся в регулировании дел» [Хабермас, 2008, с. 396]. Таким образом возникает коммуникативно производимая власть, которая через влияние общественного мнения на институционализованные формы (выборы, законодательство) трансформируется в административно применяемую власть [там же].

Оценивая перспективы делиберативной политики, Хабермас отмечает, что эта политика, присущие ей способы политической коммуникации зависят от «ресурсов жизненного мира – от свободлюбивой политической культуры и от просвещенных форм политической социализации, прежде всего от инициатив ассоциаций, где формируются мнения...» [там же, с. 400–401].

Хабермас, со ссылкой на американского автора Майклмана, вводит понятие «делиберативности», под которой он понимает установку на социальное сотрудничество, открытость, готовность к дискуссии, и «делиберативной среды», т.е. условий для обмена мнениями и для влияния этих мнений в обобщенном виде на принятие решений. Он отмечает, что «спор мнений, вынесенный на политическую арену, обладает легитимирующей силой не только в смысле предоставления доступа к властным позициям; скорее, последовательно проводимый политический курс обладает обязательной силой также и в отношении способа осуществления политического господства» [там же, с. 389]. И далее он делает важный вывод, касающийся легитимного функционирования власти: «Административная власть может применяться только на политической основе и в рамках законов, создаваемых в ходе демократического процесса» [там же].

Джон Ролз, автор известного фундаментального труда по «теории справедливости», вышедшего в 1975 г. [Ролз, 1995], так же, как и Хабермас, внес существенный вклад в обоснование важных постулатов делиберативной теории. Ролз сформулировал свою концепцию справедливости, в которой он видел «моральный базис демократического общества» [там же, с. 15], как альтернативу концепциям утилитаризма, в русле договорной теории – теории общественного договора Дж. Локка, Ж-Ж. Руссо и И. Канта.

Основная идея Ролза состоит в том, что «принципы справедливости для базисной структуры общества являются объектами исходного соглашения. Это такие принципы, которые свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы, в исходном положении равенства примут в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения. Эти принципы должны регулировать все остальные соглашения; они специфицируют виды социальной кооперации, которые могут возникнуть, и формы правления, которые могут быть установлены. Этот способ рассмотрения принципов справедливости я буду называть справедливость как честность» [Ролз, 1995, с. 25].

Люди, занятые в социальной кооперации, должны, согласно Ролзу, «решить заранее, как они будут регулировать свои притязания друг к другу и какова должна быть основная хартия их общества. Точно так же, как каждая личность должна решить путем рациональных размышлений, что составляет благо, т.е. систему целей, рациональную для их преследования, так и группа людей должна решить раз и навсегда, что считать справедливым и несправедливым. Выбор, который должен был бы сделать рациональный человек в этой гипотетической ситуации равной свободы, определяет принципы справедливости» [там же].

Концепция справедливости как честности подразумевает у Ролза некую гипотетическую ситуацию (аналогичную естественному состоянию в традиционной теории общественного договора), при которой все индивиды имеют исходно равное положение и выбирают принципы справедливости за «вуалью неведения» (*veil of ignorance*), т.е. пребывая в неведении относительно своего социального положения, роли в обществе и не имея собственных концепций блага. А поскольку «все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга» [там же, с. 25–26]. Таким образом, Ролз определяет участвующих в заключении общественного договора индивидов как равных моральных и рациональных личностей, имеющих определенные представления о справедливости и способность к пониманию блага.

Идеал общества, основанного на таком договоре, принимает у Ролза очертания «справедливой системы кооперации... между гражданами как свободными и равными личностями». Речь идет

об обществе, где обеспечено честное равенство возможностей в сфере экономики и где действующие институты «поддерживают справедливую ценность политических свобод» [Ролз, 1995, с. 12].

Теоретические проблемы делиберативной политики

Ключевая проблема теории делиберации – проблема легитимности принимаемых политических решений. Ш. Муфф вписала эту проблему в общую теорию демократии, связав ее с делиберацией: «По Хабермасу, стабильное функционирование демократии нуждается в создании политической общности, объединяемой рациональным пониманием легитимности. Поэтому, по мнению сторонников Хабермаса, основная проблема состоит в нахождении средства, которое гарантировало бы то, что решения, принятые демократическими институтами, отражают беспристрастную точку зрения, выражающую в равной степени интересы всех, а для этого необходимо создание процедур, которые могут привести к рациональным результатам посредством демократического участия [Муфф, 2004, с. 189]. Согласно Сейле Бенхабиб, являющейся последовательницей Хабермаса, «легитимность в демократических обществах следует считать результатом свободного и неограниченного публичного обсуждения всеми вопросов, вызывающих общий интерес» [Benhabib, 1996, p. 68].

Легитимность в теории делиберации основывается не на агрегации предпочтений граждан, как в классической либеральной теории, и не на априори существующей общей воле, как в республиканской традиции (идущей от Руссо, который рассматривал общую волю скорее как «согласие сердец, нежели аргументов»). Легитимность политических решений базируется у теоретиков делиберации на результатах процесса обсуждения и сопоставления различных аргументов и точек зрения, в котором принимают участие все граждане, затрагиваемые принимаемыми решениями. Это положение сформулировал в своей важной для делиберативной теории статье «О легитимности и политической делиберации», опубликованной в 1987 г., французский исследователь Бернар Манен: «Источник легитимности – не predetermined воля индивидов, а скорее процесс ее формирования, обсуждение само по себе... Законное, легитимное решение не отражает волю всех до

единого, но является одним из результатов всеобщего обсуждения. Это процесс, в котором формируется воля каждого, и он придает больше легитимности конечному результату, чем сумма уже сформировавшихся волей. Делиберативный принцип является индивидуалистским и в то же время демократичным...» [Manin, 1987, с. 351].

Участвующие в обсуждении индивиды, обладающие способностью к рефлексии, не имеют, согласно делиберативной теории, заранее заданных предпочтений; они обучаются и меняют свое мнение в ходе дискуссии. Эти индивиды «лишь частично знают, чего они хотят: у них есть некоторые предпочтения и некая информация, однако – нетвердые, неполные, часто путанные и противоречащие одни другим. Процесс делиберации, сопоставление различных точек зрения помогает им прояснить информацию и уточнить свои предпочтения. Они могут даже изменить свои первоначальные установки, если это окажется необходимо» [ibid., p. 351].

Современные исследователи делиберативной теории отмечают заметное увеличение с конца 1980-х – начала 1990-х годов числа площадок для дискуссий граждан, делиберативных форумов разного типа (от локальных микрофорумов (mini-publics) до обсуждений в рамках национальных парламентов и международных структур). Это способствует увеличению легитимности демократического порядка (благодаря подотчетности власти и участию граждан), ориентирует политику на решение общественно значимых проблем (благодаря взаимодействию государственных структур и гражданского общества), способствует повышению качества принимаемых решений (благодаря информированной и содержательной дискуссии) [Chambers, 2012; Chapel, 2012].

В ходе делиберации отрабатываются такие ключевые для демократической политики механизмы, как взаимопонимание, учет интересов других, консенсус, аргументированная дискуссия. Важно, что в пространствах делиберации (deliberative spaces) не только реализуется коммуникация, обмен аргументами, но и конструируются разделяемые всеми определения общего блага и, таким образом, легитимируются публичные решения [Chambers, 2012].

Все это, как справедливо отмечает известный английский теоретик демократии Дэвид Хелд, в конечном счете повышает «качества гражданского участия» и «качества демократии» [Хелд, 2014, с. 382–385]. В своей фундаментальной работе «Модели демокра-

тии» он определяет делиберативную демократию как отдельную, в его классификации девятую, модель, основными принципами которой являются: 1) установление условий политической ассоциации посредством «свободного и обоснованного одобрения ее граждан»; 2) «взаимная аргументируемость» политических решений как легитимная основа для поиска решений коллективных проблем [Хелд, 2014, с. 382–385].

Патриарх демократической теории, американский исследователь Роберт Даль в своей, уже ставшей классической, работе «Демократия и ее критики» [Dahl, 1989], усматривая ключевую проблему демократического процесса в растущем разрыве между политической элитой и народом (демосом), указывает на необходимость его преодоления с помощью мер по предоставлению всем гражданам равных возможностей для получения информации и политического участия. Развитие демократического процесса он в значительной степени связывает с обращением к суждениям простых людей, формулируемых в делиберативных форумах (*mini-populus*), участники которых избираются путем случайной выборки и потому представляют мнение всего народа. При этом в делиберативных форумах Даль видит не замену структур представительной демократии, а дополнение к ним, своего рода механизм адаптации демократии к изменениям в современной политической жизни [ibid., p. 338–340].

Известная итальянская исследовательница социальных движений Д. Делла Порта идет дальше: она формулирует в данной связи тезис о «постпредставительной демократии» [Демократизация, 2015, с. 320]. Пути «спасения демократии» лежат, по мнению автора, в ее расширении именно в этом направлении, в реализации партисипаторной и делиберативной моделей, которые должны дополнить и «уравновесить» модели либеральной представительной демократии [Della Porta, 2013]. Принцип представительства уравновешивается в ее концепции наличием пространств партисипации, а принцип большинства – присутствием пространств делиберации, где происходит легитимация принимаемых политических решений.

Профессор Принстонского университета Надя Урбинати, автор недавнего исследования «Искаженная демократия» [Урбинати, 2016], также полагает, что делиберация, «форум мнений» входит в систему представительной демократии, наряду со свободными выборами и конкурирующими между собой политическими партия-

ми, и способствует эффективной политической борьбе и столкновению различных соперничающих друг с другом мнений [Урбинати, 2016, с. 11]. Препятствия для реализации данной модели кроются, полагает автор, в искажениях демократического характера системы, в том числе и в искажениях делиберации, связанных с особенностями современной политики. Одним из таких искажений является отрицание политической природы делиберации и отказ от процедурной и представительной конфигураций демократии. Ответом на эти искажения Урбинати считает свою трактовку демократии как диархии воли (процедур и институтов представительной демократии) и мнения (понимаемого как внеконституционная область политических мнений), из которой следует представление о форуме как о публичном благе, позволяющем гражданам контролировать конституционную власть, формулировать и оглашать свои политические решения [там же, с. 441–442].

Урбинати обращает внимание на необходимость в условиях развития современных технологий в сфере коммуникаций и информации новых правовых (конституционных) мер «защиты независимости и плюрализма публичного форума информации от власти политического большинства и одновременно власти частных лиц – магнатов» [там же, с. 439].

В отличие от названных авторов, рассматривающих делиберацию как дополнение к либеральным институтам, ряд демократических теоретиков видят в ней способ изменить демократию, сделать ее более инклюзивной, создать новый язык радикальной политики [Dryzek, 2000; Young, 2000].

Принципы делиберации

Наиболее детально принципы делиберации разработали американские теоретики, развивавшие делиберативные концепции на базе республиканских концепций самоуправления. Ведущим исследователем американской школы является Джошуа Коэн, который систематично проанализировал основные черты и принципы делиберативной политики в работе «Делиберация и демократическая легитимность» [Cohen, 1989]. В своем анализе он основывался прежде всего на идеях Дж. Ролза, у которого учился. Коэн выде-

лил три основные черты демократической политики в справедливом обществе, являющиеся условиями делиберации:

– в хорошо устроенном обществе политическая дискуссия (делиберация) организуется вокруг альтернативных концепций общего блага;

– при демократическом порядке гражданам должны быть обеспечены равные политические и властные возможности, независимо от их экономических и социальных позиций; для обеспечения «честного значения» (*fair value*) политических свобод следует принять такие меры, как государственное финансирование политических партий, ограничение политических расходов частных лиц, прогрессивное налогообложение, с тем чтобы политическая повестка не контролировалась интересами доминирующих групп;

– «демократическая политика должна быть устроена таким образом, чтобы обеспечить основу для самоуважения, способствовать развитию чувства политической компетентности, а также формированию чувства справедливости» [Cohen, 1989, p. 18]. Все это призвано заложить основания отношений «гражданской дружбы» и «этоса политической культуры» [*ibid.*, p. 18–19].

В контекст перечисленных условий Коэн вписывает свою «формальную концепцию» делиберативной демократии. Он связывает ее с «интуитивным идеалом демократического сообщества, в котором легитимация правил и условий сообщества происходит посредством публичной аргументации и рационально организованного обсуждения (*reasoning*) равных граждан. Граждане в таком порядке разделяют приверженность решению проблем коллективного выбора через публичное обсуждение и рассматривают свои основные институты как легитимные в той мере, в какой они устанавливают рамки для свободной публичной делиберации» [*ibid.*, p. 21].

Коэн выделяет следующие черты делиберативной демократии:

– наличие действующего в течение продолжительного времени независимого сообщества;

– члены сообщества разделяют общие правила и нормы делиберации и координируют свою деятельность в рамках институтов, которые делают делиберацию возможной;

– плюрализм: члены сообщества имеют различные предпочтения, убеждения и идеалы, разные цели, несмотря на приверженность делиберативному решению проблем коллективного выбора;

– члены сообщества видят в делиберативных процедурах источник *легитимности*, поэтому для них важно, чтобы правила сообщества не просто были результатом делиберации, но и представлялись им таковыми;

– каждый член сообщества признает в другом наличие способностей к делиберации – к «публичному обмену аргументами и к воздействию на результат такого публичного рационального обсуждения» [Cohen, 1989].

Козн, кроме того, описывает «идеальную делиберативную процедуру», которая служит у него моделью демократических институтов, в которых она воплощается, выделяя ее основные аспекты:

– Идеальная делиберация является *свободной*, если она удовлетворяет двум условиям. Во-первых, участники считают себя связанными только результатами своей делиберации и предварительными условиями этой делиберации, и оценка ими предложений не обусловлена авторитетом ранее действовавших норм или условий. Во-вторых, участники полагают, что они могут действовать исходя из полученных результатов делиберации, поскольку они были ее участниками.

– Делиберация имеет *рациональный характер* (is reasoned), поскольку ее участники должны предлагать свои аргументы в поддержку или против выдвигаемых предложений.

– Участники идеальной делиберации *равны* формально и по существу. Правила делиберативной процедуры едины для всех: все имеют равное право высказываться по повестке и предлагать решения, а также имеют равный голос при принятии решений.

– Идеальная делиберация стремится к достижению рационально мотивированного *консенсуса* – поиску разумных аргументов, убедительных для всех, кто призван действовать исходя из результатов свободной и разумной оценки альтернатив, предлагаемых равными участниками делиберации [ibid., p. 23].

В делиберативной демократии описанная идеальная делиберативная процедура моделирует, по Козну, институты принятия решений, которые не просто служат для имплементации результатов делиберации, но образуют структуру, где формируется общая воля и где, собственно, и определяется, существует ли равенство, свободная делиберация и пр. [ibid., p. 26].

Институционализация делиберативных процедур реализуется на множестве арен, однако недостаточно оставаться в рамках ло-

кальных, отраслевых или монопроблемных организаций, масштаб которых не позволяет выйти за пределы круга специфических интересов отдельных групп. Самые открытые арены, необходимые для формулирования ключевого момента политической дискуссии в делиберативной демократии – концепций общего блага, способны создать политические организации, прежде всего политические партии [Cohen, 1989, p. 31].

Другие американские теоретики делиберации Эми Гутманн и Деннис Томпсон также полагают, что необходимо распространить принципы делиберации «на весь политический процесс, создавая то, что мы называем зрелой демократией. В ней совещательные форумы охватывают практически все государственные и негосударственные институты, в рамках которых граждане на регулярной основе собираются вместе для принятия коллективных решений по вопросам общественной значимости. Сюда входят не только заседания законодательных собраний, судебные слушания и административные решения на всех уровнях управления, но и встречи в рамках общественных организаций низового уровня, профессиональных ассоциаций, собрания акционеров и гражданских комитетов в больницах и иных подобных учреждениях» [Теория и практика демократии, 2006, с. 17–18].

Цель делиберации Гутманн и Томпсон видят в достижении рационально обоснованного морального консенсуса, оговариваясь, что это не всегда возможно, и что не все разногласия в современном плюралистическом обществе, с его многообразием интересов и ценностей, поддаются разрешению на основе принципов делиберативности [там же, с. 19]¹. Как бы то ни было, подчеркивают они, коллективное обсуждение, проходящее на основе принципа взаимности, – самый подходящий способ разрешения моральных разногласий между гражданами по поводу политики и способов ее осуществления [Gutman, Thompson, 1996, p. 45].

¹ Не случайно их монография называется «Демократия и разногласие» [Gutmann, Thompson, 1996].

Делиберативная модель политики

Опираясь на анализ работ ведущих теоретиков делиберации, попытаемся сформулировать основные определения и обозначить условия, которые позволят нам приблизиться к ответу на вопрос, может ли делиберация стать фактором конституирования политического поля в современной России.

Делиберация – это происходящий в публичном пространстве процесс коммуникации между гражданами, в ходе которого путем диалога, дискуссий, переговоров идет поиск приемлемых для всех путей решения коллективных проблем, конструируется разделяемое всеми понимание общего блага, т.е., собственно, решаются проблемы, которые относятся к сфере политического. С точки зрения теории делиберации протагонистами политического поля являются прежде всего индивидуальные акторы – граждане, способные к рефлексии, диалогу, обсуждению общественно значимых проблем, а делиберация превращается в способ выстраивания взаимодействия политических акторов, модель функционирования политики граждан.

Основными принципами делиберации являются публичность, инклюзивность, диалогичность, высокий уровень рационализации (reasoning), формальное и фактическое равноправие граждан.

В нашем коллективном исследовании среди признаков конституирования политического поля мы называем расширение участия, институционализацию конфликта и диалога между гражданами, а также между гражданами и государством; универсализацию норм и правил взаимодействия внутри политического сообщества¹. В контексте данного определения становится очевидной роль делиберации как модели политики на макро- и микроуровнях, устанавливающей горизонтальные (в отличие от иерархических) отношения в поле политики, включающей в политику максимально широкий круг людей, обучающей граждан взаимодействию и воспитывающей в них гражданские ценности.

В процессе публичной коммуникации индивидов идет поиск приемлемых для всех путей решения коллективных проблем, конструируется разделяемое всеми понимание общего блага. В делиберативных, дискурсивных практиках вырабатываются граждан-

¹ См. статью С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой в этом номере.

ские ориентации и ценности – доверия, эмпатии, равенства, справедливости, свободы, солидарности – необходимые для становления гражданина¹. Также вырабатываются нормы, правила и стратегии, по которым действуют в качестве политических акторов граждане, способные к делиберации, т.е. к рефлексии, обсуждению, аргументированной дискуссии, диалогу, в результате которых могут быть сформулированы и политические позиции. Собственно, речь идет о процессе формирования институциональной среды, необходимой для возникновения и воспроизводства поля современной политики.

Представляется, что все вышесказанное особенно важно в современном российском контексте, где чрезвычайно велико отчуждение граждан от власти и критически низок уровень межличностного доверия. Даже в столь неблагоприятных институциональных условиях практики делиберации могут стать одним из важных способов конституирования поля современной политики и проходить в тех формах, которые достаточно успешно опробованы в западном контексте – это делиберативные форумы, гражданские жюри, гражданские ассамблеи, делиберативные опросы общественного мнения и пр.

Эмпирические исследования показывают, что делиберативные институты и практики положительно влияют на политическую компетентность участников, доверие к политическим институтам и межличностное доверие, готовность к коллективному действию и в целом – на гражданские добродетели (*civic virtues*) [Gronlund, Setala, Herne, 2008].

Делиберативная политика может реализовываться, вероятно, сначала на низовом – локальном, муниципальном – уровне, а затем – на региональном и национальном уровнях, включая дискуссии в региональных и национальных парламентах. Представляется, что инициирование делиберации на низовом уровне, связанном непосредственно с инициативами граждан, – это возможный путь конституирования политического поля в России, с учетом проблематичности осуществления делиберативной политики в нынешних условиях на других, более высоких уровнях. Очевидно, поле политики может прорасти «снизу», путем взаимодействия рефлексии-

¹ О «дискурсивном процессе формирования норм и ценностей в ходе публичной коммуникации» пишет Ю. Хабермас [Хабермас, 2016, с. 38].

рующих и моральных индивидов, их коммуникации, диалога, использования институциональных форм разрешения конфликтов, выработки общих позиций социальных групп, соотнесенных с целями для всего общества.

При каких условиях названный путь может реализоваться?

Среди необходимых условий Дэвид Хелд называет следующие:

- ценностный плюрализм;
- сильная программа гражданского образования, стимулирующая способности к общественным дискуссиям и политическому выбору;
- общественная культура и институты, поддерживающие развитие «рефлексивных» предпочтений;
- государственная финансовая поддержка гражданских объединений, содействующих развитию делиберативных практик [Хелд, 2014, с. 415–418].

Фактически речь идет об условиях для воспитания активного гражданина [см.: Филиппова, 2007], обладающего способностями вести дискуссии по общественно значимым темам, обосновывать свои предпочтения, менять их в ходе аргументированной дискуссии и находить решения, в том числе и политические, более или менее приемлемые для всех, кого эти решения затрагивают. Именно такой гражданин и должен стать основным актором поля современной политики, которое потенциально может возникнуть в России, если такие условия будут реализованы.

Список литературы

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
- Баталов Э.Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 376 с.
- Бек У.* Общество риска. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
- Вельцель К.* Рождение свободы. – М.: АО «ВЦИОМ», 2017. – 404 с.
- Дзоло Д.* Демократия и сложность: Реалистический подход. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. – 320 с.
- Демократизация /* Под ред. К.В. Харпфера, П. Бернхагена, Р.Ф. Инглхарта, К. Вельцеля. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 708 с.
- Зайцев А.В.* Диалогика Юргена Хабермаса: Понятие и сущность. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_148.html (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Марков Б.В.* Мораль и разум // *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. Послесловие. – СПб.: Наука, 2006. – С. 287–377.

- Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. – М., 2004. – № 2. – С. 180–197.
- Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 5. – С. 99–103.
- Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Институциональные проблемы конституирования политического поля в современной России // Время больших перемен: Политика и политики: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва. РУДН, 24–25 ноября 2017 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: РУДН, 2017. – С. 276–277.
- Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 532 с.
- Теория и практика демократии. Избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. – 496 с.
- Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина, народ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 448 с.
- Филиппова Л.Е. Эффективность гражданского воспитания: Проблема критериев // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2007. – № 1. – С. 180–182.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. – 377 с.
- Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2008. – 417 с.
- Хелд Д. Модели демократии. – М.: Издательский дом «Дело», 2014. – 544 с.
- Benhabib S. Toward a deliberative model of democratic legitimacy // Democracy and difference: Contesting the Boundaries of the Political / Ed. by S. Benhabib. – Princeton: Princeton univ. press, 1996. – P. 67–94.
- Bessette J. Deliberative democracy: The majority principle in republican government // How democratic is the constitution? / R.A. Goldwin, W.A. Schambra (eds). – Washington, DC: American enterprise institute, 1980. – P. 102–116.
- Chambers S. Deliberative democratic theory // Annual Review of Political Science. – Cambridge, 2003. – N 6. – P. 307–326.
- Chandler D. Democracy unbound? Non-linear politics and the politicization of everyday life // European Journal of Social Theory. – L., 2014. – Vol. 17, N 1. – P. 42–59.
- Chapel Z. Deliberative democracy. A critical introduction. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – 200 p.
- Citizens and the state / H.-D. Klingemann, D. Fuchs (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 1995. – 474 p.
- Cohen J. Deliberation and democratic legitimacy: The good polity. Normative analysis of the state / Ed. by A. Hamlin, P. Petit. – Oxford: Basil Blackwell, 1989. – 203 p.
- Crozier M.J., Huntington S.P., Watanuki J. The crises of democracy. – N.Y.: NYU press, 1975. – 220 p.
- Dahl R.A. Democracy and its critics. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1989. – 397 p.
- Dalton R.J. Democratic challengers, democratic choices. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – 244 p.
- Deliberation // Merriam-Webster. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/deliberation> (Дата посещения: 15.02.2018.)

- Deliberative politics: Essays on democracy and disagreement / Ed. by S. Macedo. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999. – 281 p.
- Della Porta D.* Can democracy be saved? Participation, deliberation and social movements. – Cambridge: Polity press, 2013. – 224 p.
- Dewey J.* The public and its problems. – Chicago: Swallow press, 1954. – 236 p.
- Disaffected Democracies. What's Troubling the Trilateral Countries? / S.J. Pharr, R.D. Putnam (eds). – Princeton: Princeton univ. press, 2000. – 360 p.
- Dryzek J.S.* Deliberative democracy and beyond. Liberals, critics, contestations. – N.Y.: Oxford univ. press. – 195 p.
- Eagan J.L.* Deliberative democracy // Britannica concise encyclopedia. – Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/deliberative-democracy> (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Ganuza E.* The deliberative challenge // Citizenship in 3 D: Digital deliberative democracy / I. Ramos, E. Campos (eds). – Madrid: Fundacion ideas and Foundation for European progressive studies, 2012. – P. 19–50.
- Gronlund K., Setala M., Herne K.* Deliberation and civic virtue – lessons from a citizen deliberation experiment: Paper prepared for the CPSA 2008 Workshop on experiments & political science. – Vancouver (BC), 2008. – June.
- Gutmann A., Thompson D.* Democracy and disagreement. Why moral conflict cannot be avoided in politics and what should be done about it. – Cambridge: The Belknap press of Harvard univ. press, 1996. – 432 p.
- Manin B.* On legitimacy and political deliberation // Political Theory. – Stanford, 1987. – N 3. – P. 338–368.
- Mendelberg T.* The deliberative citizen: Theory and evidence // Research in Micropolitics. – N.Y.: Elsevier press, 2002. – Vol. 6: Political Decision Making, Deliberation and Participation / M.X. Delli Carpini, L. Hudy, R.Y. Shapiro (eds). – P. 151–193.
- Stears M.* Everyday democracy. Taking center-left politics beyond state and market. – L.: IPPR, 2011. – 56 p.
- Young I.* Inclusion and democracy. – N.Y.: Oxford univ. press, 2000. – 320 p.